

Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля¹

Волкова А. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; a.volkova@spbu.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется такая современная форма сетевой гражданской активности, как «цифровая бдительность». Доказывается, что цифровая бдительность как вызов цифровизации является междисциплинарной проблемой, она требует как концептуализации, так и серьезного эмпирического исследования. Это исследование затрагивает вопросы отношений государства и граждан в условиях сетевого, цифрового общества, особенности формирования сетевой этики и анализ восприятия гражданами цифрового публичного пространства.

Ключевые слова: публичная политика, сетевизация, цифровая бдительность, гражданские способности, гражданский контроль, публичные ценности

Digital Vigilance: the Ethics of Network Communication and the Limits of Civilian Control

Anna V. Volkova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; a.volkova@spbu.ru

ABSTRACT

The article analyzes such a modern form of network civic activity as “digital vigilance”. It proves that digital vigilance as a challenge to digitalization is an interdisciplinary problem, it requires both conceptualization and serious empirical research. This study addresses issues of relations between the state and citizens in a networked, digital society, especially the formation of network ethics and analysis of the perception of citizens of the digital public space.

Keywords: public policy, network, digital vigilantism, civilabilities, civil control, public values

¹ Исследование выполнено по гранту РНФ 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Интенсивное развитие различных форм гражданской коммуникации, гражданского участия получило новое осмысление и воплощение в условиях цифровизации общества. Интерес исследователей вызывает, прежде всего, расширение возможностей для гражданского контроля, что сказывается на процессах современной публичной политики и сетевого публичного управления. Массовое распространение и доступность всевозможных гаджетов, популярность социальных сетей и СМИ в сочетании с идеологией административных преобразований, ориентированных на «вовлечение граждан в публичность», обеспечивают высокую степень охвата и участия граждан, открытость процедур и коммуникативных практик. Цифровизация общества порождает исключительные возможности: она трансформирует механизмы социализации и самоидентификации граждан, оказывает серьезное влияние на дискурсивные практики, а по сути, преобразует ценностно-смысловую парадигму современного общества. Однако далеко не все современные коммуникативные общественные инновации воспринимаются однозначно как экспертным сообществом, так и гражданским обществом [3]. Понятие «цифровая бдительность» (digital vigilantism) оказалось в поле зрения современных исследователей-обществоведов не только благодаря своей новизне, но и как один из вызовов цифровизации [5]. Для отечественного социального знания этот термин нов, несмотря на то, что проблемы, так или иначе связанные с цифровой бдительностью, затрагиваются многими современными исследователями. Настоящая статья носит постановочный, проблемный характер и должна способствовать более глубокому пониманию цифровой бдительности и возрастающей роли социальных сетей как культурного артефакта. В качестве исследовательской гипотезы предложен тезис о том, что процессы цифровизации формируют новое отношение к публичному пространству.

Бдительность (применительно к гражданской активности) привлекает внимание западноевропейских исследователей-обществоведов начиная с 1900-х гг.: данное явление анализируется преимущественно юристами, специалистами в области уголовного права и криминологами. Появляются публикации в специализированных журналах, свою обеспокоенность по поводу роста гражданской бдительности высказывают ряд исследователей [11; 13; 14]. К примеру, в статье «Что есть бдительность?» Л. Джонстон пытается установить криминологическое определение бдительности и тем самым обеспечить отправную точку для будущих исследований, а также описать механизмы управления этим процессом. Определяя бдительность, автор формулирует шесть основных ее характеристик:

1. Бдительность включает планирование и обдумывание со стороны тех, кто занимается этим.
2. Граждане-участники являются частными лицами, чье участие является добровольным.
3. Это форма «автономного гражданства» и как таковая представляет собой социальное движение.
4. Бдительность сопряжена с применением силы или угрозами ее применения.
5. Бдительность возникает, когда установленный порядок нарушен или есть угроза нарушения установленных норм.
6. Она направлена на борьбу с преступностью или другими социальными нарушениями и предлагает гарантии безопасности [11].

Таким образом, предложенный подход может быть использован достаточно широко, он рассматривает это как сложное социальное явление, в отличие от попыток определить бдительность как простое «насилие со стороны истеблишмента». Бдительность понимается Л. Джонстоном как защитная реакция со стороны общества, выступающего за общепринятые нормы и правопорядок. Изложенный им в журнале «The British Journal of Criminology» подход не предполагает, что участие в этом виде гражданской активности является незаконным и не предполагает необходимого наказания жертв. Несмотря на популярность этой темы и озабоченность экспертного сообщества по поводу очевидного роста активности «бдительных граждан», в западноевропейской научной литературе предпринимается еще крайне мало серьезных попыток осмыслить бдительность [15]. В настоящее время наиболее распространены криминологические определения бдительности, в то время как изучение этих процессов возвращает нас к базовым вопросам об отношениях государства и общества: вновь актуализируется феномен спорной политики, проблема размытия институциональных границ и новый анархизм. Процессы сетевизации, цифровизации общества обостряют проблему гражданской бдительности, заставляют трактовать ее шире, чем первоначально предполагали работы в сфере охраны правопорядка и криминологии. И. Монкада, к примеру, предложил концептуальный анализ бдительности для выявления разногласий, что делает бдительность размы-

тым и оспариваемым понятием, и концепцию бдительности как вынужденный ответ на предполагаемое преступное деяние [12].

Цифровая бдительность, имеющая место в социальных сетях, социальных медиа, все чаще рассматривается в контексте негативных последствий и эффектов [8]. Так, К. Денис, обратившийся к изучению «неопосредованных форм восходящего наблюдения» (*sousveillance*), которые нарастают с распространением цифровых технологий, высказал вполне справедливые опасения, что эта новая гражданская активность в условиях сетевого, цифрового общества оказывается нерегулируемой и лишенной всяких ограничений [7]. Сегодня эта проблема интернациональна и особенно остро ощущается в мегаполисах и технологически продвинутых регионах [9].

На практике с примерами цифровой гражданской бдительности мы сталкиваемся очень часто. Несмотря на то, что цифровая бдительность еще не осознана как серьезный вызов цифровизации, для современной России проблема более чем актуальна. В современной истории нашей страны новыми в деле гражданского участия были: программа «Прожектор перестройки», затем рейды по обращениям (сигналам) граждан региональных ТВ-программ («600 секунд», 5-й канал в Санкт-Петербурге).

Второе десятилетие нового века отмечено формированием сетей взаимопомощи, нарастанием протестных мобилизационных кампаний, которые, распространяемые с использованием ресурсов сети Интернет, выступают уже как серьезные формы «общественного порицания» (наказания) или общественной поддержки [10]. Осмысление и анализ случаев цифровой гражданской бдительности поднимает ряд более провокационных и принципиальных вопросов, касающихся отношений между государством и обществом [6]. По всему миру ученые фиксируют и анализируют серии громких инцидентов в средствах массовой информации, когда бдительность граничит с самосудом. Возникает вопрос о том, является ли цифровая публичность (цифровое публичное пространство), формируемое сетевыми социальными медиа, новым публичным пространством. Как идет процесс формирования публичных ценностей? Какие регулятивные и сдерживающие механизмы существуют в поле цифровой гражданской бдительности? И где пределы цифрового гражданского контроля?

Наиболее интересными и содержательными исследованиями цифровой бдительности на сегодняшний день являются исследования ученых из Университета Эразма в Роттердаме, осуществляющих сравнительные исследования на материале таких стран, как Нидерланды, Великобритания, Китай и Россия, и, в частности, публикации профессора Д. Тротье [16]. Он трактует цифровую бдительность как форму опосредованного и скоординированного действия, отправной точкой которого является моральное возмущение (или общее чувство оскорбления), как правило, в отношении события, которое было зафиксировано и передано через мобильные устройства и через социальные платформы [17]. В ответ на это правонарушение пользователи мобилизуются и формируют реакции, которые в ряде случаев обладают лавинным характером. Подобные кампании основаны на ряде криминологических мотивов, включая реагирование на криминальные события, а также предотвращение потенциальных нарушений. К наиболее известным примерам относятся: группа Facebook Vancouver Riot 2011 г. и консолидация после теракта в ходе Бостонского марафона в 2013 г. как выявление подозреваемых участников беспорядков. Д. Тротье пишет о том, что кампании цифровой бдительности также преследуют информационные цели (идентификация целевого лица или категории лиц, а также формулирование понимания общих норм и ценностей), чем способствуют выражению опосредованной коллективной идентичности, которая может быть основана на национальных, религиозных или этнических формах солидарности [15].

Текущий социальный и политический дискурс в значительной степени формируется как путем очевидных, так и не очень очевидных механизмов и практик. К примеру, использование современных цифровых медиа создает конкретные возможности и формирует культурные ожидания (открытость, равенство, справедливость) в отношениях между рядовыми гражданами или в отношениях граждан с государством. Из-за легкости, с которой пользователи могут искать, запрашивать и распространять личную информацию, социальные медиа все чаще используются для мобилизации и манипуляций. В качестве примеров можно привести как сети взаимопомощи (катастрофические пожары 2010 г., наводнение в Краснодарском крае и Иркутске), так и организацию протестных митингов (Белая лента, защита Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и т. д.) и движение «Догхантеров» (истребление бродячих собак), серьезно осложнившее социально-политическую ситуацию в Санкт-Петербурге.

В современной России все чаще заявляют о себе группы, борющиеся за общественный порядок и общественную мораль. В некоторых случаях они действуют как серьезные масштабные сетевые организации и движения: «Догхантеры», «СтопХам», «Синие ведерки», «Лев против». Гражданское общество активизируется, мобилизуется для выявления нарушителей, подозреваемых. Структуры,

организованные по сетевому принципу, перехватывают у государственных органов инициативу по порицанию нарушителей и возмездию, которое из-за практики распространения в социальных сетях фото- и видеоматериалов становится настоящим перфомансом. Это касается, прежде всего, деятельности современных популярных псевдополицейских организаций и движений, которые самовольно взяли на себя контроль над общественным порядком. Рейды данных сообществ носят деструктивный характер и создают напряжение в обществе, демонстрируя молодежи «примеры хамства и агрессии», пишут те, кто задумывается сегодня над пределами и механизмами гражданского контроля¹. Стремление граждан к соблюдению норм, vznikая как явление позитивное, может приобретать различные формы, вплоть до девиантных (в случаях, когда целью становится экзальтированное привлечение внимания публики, когда общественное порицание превращается в сетевое реалити-шоу, а возмездие — в зрелище).

Следует отметить, что дело не всегда касается глобальных и системных нарушений, таких как борьба с коррупцией и произволом силовиков. Все чаще это единичные случаи гражданского возмущения. В качестве примера можно привести попадание в сеть фотографий и комментариев врача, нелестно отзывающегося о своих пациентах, некорректное поведение стюардессы и нарушение профессионального кодекса учителем и т. д. В этих случаях цифровая бдительность, как темная сторона онлайн-взаимодействия, проявляется через преследование и травлю (троллинг). Прежде всего это касается практики превращения людей в мемы и фотожабы и цифрового гражданского самосуда, зачастую перемещающихся из онлайн- в офлайн-пространство. Примеров того, как изначальный поступок (неудачная формулировка, мысль, цитата) вызывает реакцию, которая с моральной точки зрения более резонансна и несоразмерна самому поступку, сегодня можно привести достаточно много. Так, к примеру, в октябре 2018 г. в Свердловской области Ольга Глацких, директор департамента молодежной политики Свердловской области, обращаясь к молодежи, произнесла печально знаменитую фразу «государство не просило вас рожать», чем пополнила народную копилку «Цитаты от чиновников». В качестве реакции в сети можно было наблюдать не только волну эмоциональных и нецензурных комментариев, но и создание при помощи фотшопа фотожаб с фотографиями молодой чиновницы (олимпийской чемпионки по художественной гимнастике 2004 г.), носящих оскорбительный характер и содержащих угрозы физической расправы. Несмотря на официальную проверку и объяснения чиновницы по поводу вырванных из контекста слов, даже спустя почти год, ссылки на изуродованные фотографии и нецензурные комментарии сопровождают данную фамилию в поисковой строке. Оговорка на первом актом митинге исполняющего обязанности губернатора Санкт-Петербурга Александра Беглова («активнудые и противные люди» вместо «активные и продвинутые...») также мгновенно стала предметом для сетевого юмора. С одной стороны, это неизбежные для публичного человека, для политика издержки политической борьбы, а с другой — граждане, берущие на себя право говорить от лица общества, бороться за высокие моральные стандарты, демонстрируют ничем не ограниченную свободу. Подобная свобода не только нарушает свободу других, но подчас создает для «оппонентов» и «нарушителей» условия для физической расправы и внесудебных, неправовых механизмов и деяний.

Важно учитывать и тот факт, что в процессах осуществления «цифровой бдительности» цифровые медиа не являются только лишь нейтральными платформами обмена информацией [15]. Они позволяют участникам и сторонникам предлагать свои собственные комментарии, которые авторитетные журналисты, администраторы и организаторы интернет-ресурсов (среди прочих) могут либо поддерживать, либо оспорить. Помимо роли журналистов, важно учитывать дискурсивное влияние политиков, ученых, общественных интеллектуалов, которые управляют значительной (социальной сетью) аудиторией, особенно комментируя спорные или иные культурно значимые события. Цифровая бдительность возникает в случаях, когда требование справедливости является более социальным, чем правовым феноменом. Учитывая, что активность онлайн все чаще переходит в офлайн-действия, цифровая бдительность является распространяющейся и мобилизующей силой, игнорировать которую в современных условиях просто невозможно.

В своей статье профессор Д. Тротье предлагает предварительную процедурную модель для лучшего понимания цифровой бдительности, включающую концептуализацию основных понятий и смежные термины. Цифровая бдительность сегодня, пишет он, «...подчеркивает гражданские вмешательства против других лиц, часто перекрывая и даже оспаривая институциональные формы правосудия, часто воспроизводя устоявшиеся культурные ценности» [Там же, р. 4]. Именно за счет действия устоявшихся стереотипов подобные явления в сети обладают столь масштабным характером

¹ Тодоров В., Болотов А. [Электронный ресурс] Нездоровый образ жизни. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/13/lionagainhumanrights/> (дата обращения: 24.06.2019).

[4]. Несмотря на противоречивость инициатив со стороны гражданского общества, современные западноевропейские философы продолжают отстаивать идею о состоятельности граждан в смысле их созидательной общественной силы. В правовом государстве «создание общественного блага на основании зафиксированных в законе прав передается компетенции граждан... Не права и свободы обеспечивают общественное благо, а граждане, которые эти права разумно реализуют», поскольку «в рамках предоставленных законом прав общественное благо зависит от работы, от усилий, от порядочности граждан, действующих не по распоряжению государства, а по собственной инициативе, по собственному плану» [2, с. 45]. Если рассматривать политику, согласно Х. Арендт, как совокупность человеческих связей и публичных отношений, образующую реальную социальную структуру, то публичные ценности, реализуемые в системе государственного управления, должны соответствовать утверждению Канта: «Я не должен никогда поступать иначе, как только по той максиме, относительно которой я мог бы также желать, чтобы она стала всеобщим законом». [1, с. 36].

Девиантные проявления «цифровой бдительности» заставляют всерьез задуматься о специфике восприятия гражданами цифрового публичного пространства. Цифровое публичное пространство (онлайн-пространство) обладает значительной спецификой, оно регулируется нормами сетевой этики, общими установками, но по сравнению с традиционным (офлайн-пространством) реакции более быстры, эмоциональны. Если действия граждан в публичном пространстве определяются публичными ценностями, которые, в свою очередь, формируются в процессе гражданской коммуникации, то какие моральные механизмы способны выступить эффективными регуляторами в цифровом публичном пространстве? Почему граждане позволяют себе более свободное и даже агрессивное поведение в процессе интернет-коммуникации? Возможно, особенность этого вида коммуникации (посредством компьютера, смартфона и т. д.) создает у граждан иллюзию не публичного, а частного пространства. С другой стороны, практика использования в сети вымышленных имен и аватарок формирует отношения «безличные», раскрепощает и порождает иллюзию безнаказанности. Современный процесс формирования гражданских способностей (способностей иметь гражданские права и нести обязанности; способность дискутировать и формировать публичные ценности; использовать и продвигать гуманитарные (а не манипулятивные) технологии взаимодействия, проявлять гражданскую активность в рамках правового поля и в соответствии с нормами морали и т. д.) не линеен и противоречив. Этому во многом способствует интенсивное развитие технологий и производство информации, которые общество не успевает полноценно воспринять и осмыслить. Нормы современной этики оказываются весьма подвижными, а сетевая культура содержит ряд противоречий и конфликтующих между собой ценностных установок.

Возникающие формы цифровой активности — цифровую бдительность, доксинг и т. д. — необходимо изучать, поскольку это новое в плане практики соблюдения законов и расширения моральных границ, с целью достижения справедливости. Цифровая бдительность возникает в случаях, когда требование справедливости является более социальным, чем правовым феноменом. Цифровая бдительность является междисциплинарной проблемой, которая требует как концептуализации, так и серьезного эмпирического исследования. Для феномена гражданской «цифровой бдительности» важны эмоции, эмоции и реакции доминируют над фактами, и это роднит цифровую бдительность с таким явлением, как постправда.

Литература

1. Арендт Х. Лекции по политической философии Канта. СПб. : Наука, 2012. 302 с.
2. Политическая философия в Германии. Сборник статей. Пер. с нем. Мироновой Д., Погорельской С. М. : Современные тетради, 2005. 520 с.
3. Boyd D., Crawford K. Critical Questions for Big Data // Information, Communication & Society. 2011. Vol. 15. № 5. P. 662–679.
4. Braithwaite A. It's about Ethics in Games Journalism? Gamergaters and Geek Masculinity [Электронный ресурс] // Social Media + Society. 2016. Vol. 2. № 4. P. 1–10. URL: doi:10.1177/2056305116672484 (дата обращения: 14.06.2019).
5. Brighenti A. Visibility: A Category for the Social Sciences [Электронный ресурс] // Current Sociology. 2007. Vol. 55. № 3. P. 323–342. URL: doi:10.1177/0011392107076079 (дата обращения: 16.06.2019).
6. Campbell E. Policing Paedophilia: Assembling Bodies, Spaces and Things [Электронный ресурс] // Crime, Media, Culture. 2016. Vol. 12. № 3. P. 345–365. URL: doi:10.1177/1741659015623598 (дата обращения: 16.06.2019).
7. Dennis K. Keeping a Close Watch — The Rise of Self-Surveillance and the Threat of Digital Exposure // Sociological Review. 2008. Vol. 56. № 3. P. 347–357.

8. *Douglas D.* Doxing: A Conceptual Analysis [Электронный ресурс] // *Ethics and Information Technology*. 2016. Vol. 18. № 3. P. 199–210. URL: doi:10.1007/s10676-016-9406-0 (дата обращения: 24.06.2019).
9. *Dunsby R. M., Howes L. M.* The NEW Adventures of the Digital Vigilante! Facebook Users' Views on Online Naming and Shaming // *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. Vol. 52. № 1. 1 March, 2019. P. 41–59.
10. *Fuchs C.* Social Media and the Public Sphere [Электронный ресурс] // *Triple C: Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*. 2015. Vol. 12. № 1. P. 57–101. URL: doi:10.31269/triplec.v12i1.552 (дата обращения: 12.05.2019).
11. *Johnston L.* What Is Vigilantism? [Электронный ресурс] // *The British Journal of Criminology*. 1996. Vol. 36. № 2. P. 220–236. URL: doi:10.1093/oxfordjournals.bjc.a014083 (дата обращения: 14.06.2019).
12. *Moncada E.* Varieties of Vigilantism: Conceptual Discord, Meaning and Strategies [Электронный ресурс] // *Global Crime*. 2017. Vol. 18. № 4. P. 403–423. URL: doi:10.1080/17440572.2017.1374183 (дата обращения: 10.04.2019).
13. *Skoric M. M., Wong K. H., Chua J. P. E., Yeo P. J., Liew M. A.* Online Shaming in the Asian Context: Community Empowerment or Civic Vigilantism? // *Surveillance and Society*. 2010. Vol. 8. № 2. P. 181–199.
14. *Tanner S., Campana A.* "Watchful Citizens" and Digital Vigilantism: a Case Study of the Far Right in Quebec [Электронный ресурс]. URL: DOI:10.1080/17440572.2019.1609177 (дата обращения: 24.06.2019).
15. *Trottier D.* Denunciation and Doxing: Towards a Conceptual Model of Digital Vigilantism [Электронный ресурс] // *Global Crime*. 2019. URL: doi: 10.1080/17440572.2019.1591952 (дата обращения: 16.06.2019).
16. *Trottier D.* Revisiting Privacy in Public Spaces in the Context of Digital Vigilantism [Электронный ресурс] / *Surveillance, Privacy and Public Space*. Taylor and Francis. 2018. P. 141–156. URL: doi:10.4324/9781315200811 (дата обращения: 15.06.2019).
17. *Trottier D.* Digital Vigilantism as Weaponisation of Visibility [Электронный ресурс] // *Philosophy & Technology*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 55–72. URL: doi:10.1007/s13347-016-0216-4 (дата обращения: 19.06.2019).

Об авторе:

Волкова Анна Владимировна, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; a.volkova@spbu.ru

About the author:

Anna V. Volkova, Associate Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences); a.volkova@spbu.ru